

жений (считая и повторные) русских, в ряде случаев черниговских, князей. В этот далекий край, расположенный, однако, на чрезвычайно важных международных путях, бежали в силу политических неудач и князья, и другие видные люди. Вместе с внуком Ярослава, Ростиславом Владимировичем, в 1064 г. бежали в Тмуторокань киевский воевода Порей и новгородец Вышата, сын новгородского посадника Остромира. Вышата и его сын Ян определенно входили в группу лиц, включавшую в себя и Никона²⁷.

Одним словом, на глазах Иоанникія, если только он прожил в Тмуторокани (или, быть может, в Таврике) несколько десятилетий, прошла почти вся история своеобразного русского княжества, удаленного от основных земель Киевского государства и близкого к сфере политики Византийской империи. Вмешательство последней осуществилось, между прочим, всего только через год после смерти Иоанникія, когда в 1079 г. хазары, взяв в плен князя Олега Святославича, передали его из Тмуторокани в Константинополь, откуда он был переслан в заключение на о. Родос.

Возвращаясь к исследуемому нами эпиграфическому памятнику, надо еще раз подчеркнуть, что он возник в гуще известных нам по источникам событий Тмутороканского княжества и потому в некоторой степени освещается ими или, по крайней мере, должен быть рассмотрен историком на их фоне. Поэтому, по нашему мнению, неверно и во всяком случае недостаточно краткое заключение об историческом смысле надписи Иоанникія, сделанное В. В. Латышевым: «памятник является весьма интересным дополнением и свидетельством о христианстве в Тмуторокани во 2-й половине XI в.»²⁸.

Средневековых памятников, происходящих с Таманского полуострова, и из близких к нему районов, пока немного. Тем не менее, плита с надписью Иоанникія может и должна быть поставлена в ряд с ними, преимущественно с одновременными ей. Подобное параллельное рассмотрение оттеняет историческую сущность и значение надписи.

В группе памятников, связанных с Тмутороканью, главнейшее место занимает так называемый «Тмутороканский камень» — знаменитая (находящаяся ныне в Государственном Эрмитаже) надпись князя Глеба, который в 1068 г. измерил по льду ширину пролива между Тмутороканью и Корчевом, установив расстояние в 14 тысяч сажень (близкое к действительности)²⁹.

Греческая надпись, Иоанникія и русская надпись князя Глеба хронологически отделены друг от друга всего одним десятилетием и, несмотря на различный «дух», почерк, письма, все же близки по шрифту.

²⁷ См. статью Д. С. Лихачева в цитированном выше издании «Повести временных лет», т. II. М.—Л., 1950, стр. 57—58, 82—95.

²⁸ В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из южной России. Находки 1903—1905 гг. — ИАК, вып. 14, 1905, стр. 133. При этом заключении автор ссылается на книгу Макария, архиепископа Харьковского, «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской церкви», 2-е изд., СПб., 1868 г. Однако здесь говорится только о том, что тмутороканская епархия в начале X в., при Льве VI, уже называлась архиепископией (ук. соч., ч. I, гл. III: Церковь в древней Сарматии. . . а) Следы христианства в Чихии, стр. 79—80). «Чихией» Макарий называет кавказскую Сихию.

²⁹ «В лето 6576 индиктиона 6 Глебъ князь мѣрил по льду от Тмуторокани до Кърчева 10 тысяч и 4 тысячи сяжен». См. прекрасные репродукции надписи в статье А. А. Спицына «Тмутараканский камень» (ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 103—132, табл. X—XI). См. также: А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д. Заметки о Тмутараканском камне. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», 55. Симферополь, 1918, стр. 45—87.